

Н. Русова, В. Шевцов

«Тоска по родине! Давно...»

Это стихотворение написано Мариной Цветаевой через двенадцать лет после отъезда из России. Родина была далеко, как никогда. Всё более чуждой становилась советская действительность. Угнетало углубляющееся одиночество среди эмиграции. Перед нами исповедь человека, с равнодушием отчаяния не замечающего, где, среди кого, в каком времени он вынужден жить, на каком языке его не понимают окружающие. Одно из самых страшных признаний для поэта — потеря «обольщения» родным языком. Интонация, в начале стихотворения отстраненно-спокойная, обретает постепенно гневный и страстный накал, поднимаясь до пронзительной жалобы:

Так край меня не уберег
Мой...

Казалось бы, после таких опустошающих признаний о какой тоске по родине может идти речь? Действительно, эта тоска — «разоблаченная морока»... И вдруг, ошеломляюще неожиданно, оборванное признание в конце:

Но если по дороге — куст
Встает, особенно — рябина...

То есть даже если случайно на глаза попадет что-то, напоминающее оставленную Россию, — всё вернется: и любовь, и тоска, и близость.

Одним из важнейших выразительных средств этого монолога-исповеди является варьирование выражения «мне совершенно всё равно...». Постоянные повторы и варианты накрепко спаивают строфы:

...Мне совершенно все равно —

Где совершенно одинокой
Быть...

...Мне всё равно, каких среди
Лиц...

...Где унижаться — мне едино.

...Мне безразлично —

...Мне все — равны, мне всё — равно...

и так далее.

Поразительная свобода лирического высказывания достигается, в частности, сплавом разнородных лексических единиц: тут и обыденнейшая «базарная кошелка», «госпиталь» и «казарма», «бревно, оставшееся от аллеи», а с другой стороны — оцетинившийся «пленный лев», «камчатский медведь без льдины» (явно перекликающийся со знаменитым образом медведя из поэмы Маяковского «Про это»), «млечный призыв» родного языка, пустота храма... Изысканно обыграно словосочетание «родимое пятно» — это и родинка (с помощью этого значения как бы материализуется понятие души), и знак принадлежности родному краю.

Столь распространенный в русской поэзии четырехстопный ямб выглядит здесь непривычно — из-за того, что Цветаева часто использует спондеи (делает ударным первый слог строки). Это да еще многочисленные переносы создают дополнительное ощущение тяжести и мучительности вылившихся признаний.

Емкость поэтического слова и фразы здесь поистине бездонна. Внимательный читатель оценит и неологизмы Цветаевой («единоличье чувств», «глотатель газетных тонн», «доилец сплетен»); и эллипсисы со знаменитыми цветаевскими тире, так многое в себя вмещающими; и глубокие паузы внутри строф; и пропитывающую все стихотворение анафоричность. Полное же перечисление всех переливающихся оттенков формы и содержания этого цветаевского шедевра попросту невозможно.